

АЛЕКСАНДР ШУШЕНЬКОВ

2084, или Планета Крыс

Александр Шушеньков
2084, или Планета крыс

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Шушеньков А. Б.

2084, или Планета крыс / А. Б. Шушеньков — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Недалекое светлое будущее. В 2084 году государство, возникшее на территории Российской Федерации, успешно противостоит многочисленным внешним врагам. Небывалые успехи в развитии внешнеполитических связей, демократии и спорте, подкрепляются огромными экономическими и научными достижениями. Страна в лице главного героя Ильи Гроша первой достигает Марса, а затем - после успешного завершения 84-х летних Олимпийских Игр в Норильске - отправляет космический корабль в другую галактику для исследования планеты земного типа. Лучшие представители Русийской империи составляют экипаж, в который входит и поручик императорского космофлота Ильи Грош. Сложный полёт, сопровождаемый драматическими событиями, прерывает пространственно-временная катастрофа, в результате которой Илья в одиночестве оказывается на Планете Крыс. Жизнь крыс и их взаимоотношения оказываются чрезвычайно похожими на земные, и общение с разумными представителями другой цивилизации открывает глаза идеалисту Грошу на многие стороны человеческого бытия. С помощью новых хвостатых друзей и робота-интеллектуала Илья не только возвращается на корабль, но и возвращает к жизни экипаж. Команда начинает обратный путь на Землю, а на Родине тем временем - произошла революция...

© Шушеньков А. Б.

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

ПРОЛОГ. СТРАНА СЧАСТЛИВЫХ	6
1 ГЛАВА,	10
ГЛАВА 2,	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Александр Шушеньков

2084, ИЛИ ПЛАНЕТА КРЫС

*«Я мечтаю вернуться с войны,
На которой родился и рос,
На руинах нищей страны
Под дождями из слез».*

Игорь Тальков. «Я вернусь»

ПРОЛОГ. СТРАНА СЧАСТЛИВЫХ

30 апреля 2014 года Поисковик «Яндекс» сообщал о России:

«1-е место в мире по величине национального богатства (при любом методе расчета, как по абсолютной величине, так и на душу населения);

1-е место в мире по импорту китайских автомобилей

1-е место в мире по абсолютной величине убыли населения;

1-е место в мире по заболеваниям психики;

1-е место в мире по количеству самоубийств среди пожилых людей;

1-е место в мире по количеству самоубийств среди детей и подростков;

1-е место в мире по числу детей брошенных родителями;

1-е место в мире по количеству аборт и по материнской смертности;

1-е место в мире по числу разводов и рожденных вне брака детей;

1-е место в мире по потреблению спирта и спиртосодержащей продукции;

1-е место в мире по продажам крепкого алкоголя;

1-е место в мире по потреблению табака и третье место по производству табачных изделий;

1-е место в мире по числу курящих детей и темпам прироста числа курильщиков;

1-е место в мире по смертности от заболеваний сердечно-сосудистой системы;

1-е место в мире по количеству ДТП;

1-е место в мире по количеству авиакатастроф (по данным Международной ассоциации воздушного транспорта уровень авиакатастроф в России в 13 раз превышает среднемировой);

1-е место в мире по объемам поставок рабов на международный черный рынок;

1-е место в мире по темпам роста числа долларовых миллиардеров;

1-е место в Европе по числу умерших от пьянства и табакокурения;

2-е место в мире по числу долларовых миллиардеров (после США);

2-е место в мире по распространению поддельных лекарств (после Китая);

2-е место в мире по числу убийств на душу населения (после Колумбии);

2-е место в мире по числу журналистов, убитых за последние десять лет;

2-е место в мире (после Сербии) по количеству людей, ищущих убежища в развитых странах Запада;

2-е место в мире по уровню бюрократии;

2-е место в мире по количеству заключенных на 1000 человек (после США);

2-е место в мире среди стран-распространителей спама;

2-е место в мире по числу детей, усыновленных в США;

2-е место в Европе по числу самоубийств на душу населения (после Литвы);

3-е место в мире по распространению детской порнографии;

3-е место в мире по количеству тоталитарных сект;

3-е место в мире по угону машин;

62-е место в мире по уровню технологического развития (между Костарикой и Пакистаном);
67-е место в мире по уровню жизни;
70-е место в мире по использованию передовых информационных и коммуникационных технологий;
72-е место в мире по рейтингу расходов государства на человека;
97-е место в мире по доходам на душу населения;
127-е место в мире по показателям здоровья населения;
134-е место в мире по продолжительности жизни мужчин;
159-е место в мире по уровню политических прав и свобод;
175-е место в мире по уровню физической безопасности граждан;
182-е место по уровню смертности среди 207 стран мира».

В этот же день Российское информационное агентство «Новости» сообщило, что по данным опроса ВЦИОМ, 78 процентов россиян ощущали себя счастливыми, а Индекс Счастья за последний год достиг 25-летнего максимума.

Тогда еще никто не знал, каких успехов страна достигнет через семьдесят лет...

* * *

2084-й год вошел в историю Руси чередой сплошных триумфов, побед и новых Духовных Единений. К этому времени наконец-то бесповоротно оформилось перетекание управляемой демократии в демократию тоталитарную, при которой народ стал полным хозяином своей судьбы, управляя ей через государя-императора Михаила Благого.

Была навсегда утверждена новая – хорошо забытая старая административная структура, и на смену всем различным республикам, автономиям, краям и областям пришли традиционные губернии. Им были возвращены исконные наименования: Краснодарский край стал Екатеринодарской губернией, Свердловская область – Екатеринбургской губернией, Ленинградская область – Санкт-Петербургской губернией, а Калининградская область – Калининградской губернией. Возвращались и исконные названия улиц, например, бывшая Тверская снова стала улицей Горького.

История страны приобрела окончательный очищенный вид – была официально утверждена Доктрина Непрерывности и Божественности царской власти, признаны монархами все руководители предшествующих государственных форм (включая даже ренегатов Ульянова, Хрущева и Горбачева), а самому выдающемуся из них – Сталину, был установлен величественный памятник на Мавзолее-усыпальнице. Так архитектурный ансамбль Красной площади приобрел завершающий грозно-прекрасный вид.

Никогда еще государство не было так могуче, обильно и нравственно, никогда еще его жители не просыпались с таким веселым настроением и не ложились спать с таким удовлетворением, никогда еще не была такой зеленой трава и таким голубым – небо!

Грядущему историку прежде всего будет полезно узнать, что пасомый императорским наркоматом духа богоизбранный народ твердой поступью шел в Царство Небесное: количество храмов на душу населения уже приблизилось к соответствующему показателю квартиронасыщенности, «Интернет» – по просьбам подданных, был окончательно запрещен с уничтожением самого слова, учение «обезьянника» – Дарвина объявлено еретическим и антигосударственным, книги великих классиков – Толстого, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Солженицына и других – финализированы, а макулатура реакционных идеологов бездуховности – Рабле, Свифта, Вольтера, Рассела, и прочей мелюзги вроде ильф-петровых да зощенков-булгаковых – полностью изъята из всех присутственных мест и торжественно сожжена на Костре Окончательной

Истины. Для увековечивания нравственности было издано массовым тиражом многотомное автобиографическое житие блаженного Владимира «Жизнь раба на галерах». С безграничным патриотизмом жители империи следили за ежегодными прыжками в Высоту на приз императора Руси Михаила Благого и народной телепередачей «Куликово Поле Чудес». Несомненным показателем культурного прогресса была и замена повешения за оскорбление чувств верующих сжиганием нечестивцев на том же Очистительном Пламени.

Духовная и научная жизнь была в Небо полноводным источником: ежегодно запрещались тысячи новых авторов, и защищались десятки тысяч кандидатских и докторских диссертаций на темы экономики, политологии, социологии, истории и культурологии, а уж труды богословов исчислялись едва ли не миллионами! Для совершенствования прогресса было принято решение совсем отказаться от традиционного оппонирования: теперь соискателям ученых степеней достаточно было просто указать источники, из которых брались главы, и императорская Аттестационная комиссия автоматически принимала нового члена в ряды соответствующей Академии. С титанической силой работали миссии по углубленному изучению Нептуна, Плутона, Сатурна, Марса, Венеры и Юпитера: ученые сидели в изолированных помещениях, полностью моделирующих среды обитания этих небесных тел, и обменивались мнениями. С 2061 года был запущен проект по посадке на Марсе яблонь – первые сорта новых гибридов были уже выведены, и ожидали лишь мотыги да трудолюбивой руки космического садовода. С 2069 года началось обустройство Лунной базы, а в 2081 году она уже официально была объявлена жилой зоной. Даже тлетворный Запад, ледяной Север и смрадный Восток не могли отрицать выдающихся гуманитарных достижений России: Times Higher Education BRICS amp; Emerging Economies поставил императорский МГУ на 10 место в рейтинге наилучших вузов развивающихся стран, впереди таких научно-педагогических центров, как Могадишское высшее академическое училище и Гуманитарная академия Бурунди. Саровский императорский ядерный центр проводил ежегодно конференции «Будущее инноваций и паломничества в Нижегородской губернии». Большим научным прорывом стало введение Единого часового пояса и Постоянного зимне-летнего времени.

Отечественная техническая мысль находила принципиально новые решения в любых, даже самых традиционных отраслях знания. Так, например, для русичей преклонного возраста, которые в силу естественной убыли зубов уже не могли пережевывать твердые предметы, в Наукограде «Сколково» была сконструирована механическая челюсть. Она при помощи обычной медной пружины и перетирочного механизма могла превращать все – от буханки хлеба до свиной шкуры, или кирпича – в кашеобразную массу. Изыскания в области кирпичных добавок в рацион жителей империи тоже успешно подходили к концу. Уменьшение запасов нефти и газа, могущее подорвать экономику каких-нибудь Уругвая или Монако, совершенно не затронуло темпы роста российского потенциала: благодаря остроумнейшим разработкам научных умов, были созданы оригинальные, не имеющие мировых аналогов машины на угле и торфе.

Экономика демонстрировала устойчивый рост производства деревянных ложек, самоваров, лаптей и балалаек. В заполярном Потанинске работники никелевого гиганта наладили серийный выпуск народного самоката без использования резины на колесах – ее удачно заменила прессованная шихта, в сельском хозяйстве успешно реализовывалась «Программа -2200» по разведению новых видов мясных пород лягушек. Лозунг императора Михаила Ивановича Благого «Нет отходов – есть бандерлоги!» нашел реализацию в создании Д-электростанций (источников энергии, работающих на естественных человеческих отправлениях).

На 10 процентов уменьшилась кривая оттока капиталов, упав до несущественной цифры – 120 миллиардов юаней в год, а количество безработных подданных стало так мало, что Департамент статистики вообще перестал публиковать данные на эту тему.

Зримым воплощением мудрой экономической политики государя стало возведение его юбилейного – пятидесятого Домика Отдыха на берегу озера Байкал. Он высотой превзошел даже знаменитый небоскреб российского концерна «Ozero», а шириной забора – аналогичное строение другого отечественного гиганта – корпорации «Гун Вор». Радиостанция «Эхо Молвы» устами наркомдуха генерал-полковника Владимира Михайлова ежедневными трехчасовыми «Беседами о Бытии» несла подданным Истину.

Неизмеримых высот достиг международный авторитет империи: более пяти мировых держав, таких, как Лимпопо, Острова Зеленого мыса, Вануату, Тувалу и другие, состояли с ней в дружественных союзнических отношениях.

Крепли императорские Вооруженные Мощи: армия, авиация, флот – морской и космический. С большим успехом прошла их Окончательная Реформа – импортный хлопок гимнастеров был заменен на отечественные лен и коноплю, диаметры фуражек – уменьшены, а вместо шелковых подкладок генеральских шинелей стали применяться ситцевые подшительники. Танковая фабрика «Уралвагон» имени Героя капиталистического труда И. Болванских перешла на выпуск модернизированной машины Т-90ЦП, вооруженной сверхмощной Царь-пушкой калибра 1 метр. Просторы мирового океана бороздили новейшие экологические авианосцы на торфе – «Царь Додон», «Царь Гвидон», «Царь Салтан», «Добрыня Никитич», «Лука Мудищев», «Алеша Попович», а также подводные торф-ракетоносцы «Инта», «Игарка», «Потьма» и «Устьлаг». После череды стартовых взрывов три новых спутника ГЛОНАСС были успешно выведены на орбиту, и для окончательного развертывания группировки осталось запустить еще всего лишь тринадцать.

В феврале с невиданным подъемом прошел очередной День Вооруженных Мощей, в котором приняло участие сто процентов подданных. После воинского парада мимо Усыпальницы шествие подданных под лозунгами «Да здравствует нерушимый союз труда и капитала!», «За веру, императора и Русь!», «Слава народу-созидателю!» возглавили лично главный защитник трудящихся Генеральный секретарь императорского объединенного народно-трудового союза граф Шмакодявкин, специально прилетевший из Монако Президент корпорации «Ozero» барон Гангрена и Председатель совета директоров финансового конгломерата «Гун Вор» князь Шамалян. С трибуны своих жителей ласково приветствовал сам император Михаил Благой.

В апреле департамент хороших новостей (ДХН) имени Героя каптруда В. Чурова сообщил о том, что все 100 процентов жителей Русийской империи (включая женщин, стариков, грудных младенцев и пациентов домов отдыха) абсолютно счастливы! Так сбылась многотысячелетняя мечта человечества и была построена Страна Счастливых.

1 ГЛАВА,

в которой рассказывается о полете на Марс поручика Ильи Гроша с целью установки там факела 84-х летних Олимпийских Игр, и успешном выполнении этого ответственного задания

– «Был холодный ясный апрельский день, и часы пробили тринадцать. Уткнув подбородок в грудь, чтобы спастись от злого ветра, Уинстон Смит торопливо шмыгнул за стеклянную дверь жилого дома «Победа», но все-таки впустил за собой вихрь зернистой пыли.

В вестибюле пахло вареной капустой и старыми половиками. Против входа на стене висел...».

– Что такое «половики»? – спросил Илья чтеца – робота-помощника Ли, выполненного в типовой конфигурации «Счастливый русич».

Робот – обычная электронная машина с вечно улыбающимся лицом и вытарашенными (по задумке разработчиков – «счастливыми») глазами-лампочками, в это время, кроме транслирования книги Оруэлла, готовил для Ильи обед.

– Тряпки, которые на Западе клали на пол, – тотчас отозвался Ли.

Ответить роботу было нетрудно, поскольку в его механическую голову китайские умельцы заложили все знания, накопленные человечеством. Ли ловко подбросил питательный соевый блин над сковородкой и продолжил певучим голосом с шанхайским акцентом:

– «... и старыми половиками. Напротив входа на стене висел плакат, слишком большой для помещения. На плакате было изображено громадное, больше метра в ширину, лицо, – лицо человека лет сорока пяти, с густыми черными усами, грубое, но, по-мужски привлекательное. Уинстон направился к лестнице...».

«Грубое, но, по-мужски привлекательное». Илья покосился на робота. И почему братья-китайцы сделали ему такую глупую физиономию? Никакой мужской привлекательности. И – без усов.

Илья был не прав. Робот имел вполне нормальную внешность: безупречно-гладкое лицо с подвижным носом-анализатором, живо следящим за содержанием кислорода в воздухе; рост, соответствующий среднему счастливцу империи; могучие руки, вращающиеся на 360 градусов, и был заряжен программой, которая позволяла вести с ним нормальный гуманоидный разговор. Несомненным плюсом были десять регулируемых уровней IQ – от полного идиота до мозгов преподавателя ИМГИМО профессора Чуркина. Ли был вполне себе русским, и единственной, не совсем отечественной манерой электронно-механического помощника, была его привычка щурить глаза-лампочки. Вернее сказать, – попытки щурить, потому как – лампочку-то особо не сощуришь. Имелись и недостатки: во-первых, у Ли была нагло-фамильярная манера «тыкать» Илье (на замечания робот отвечал, что «в Китае так принято»). Во-вторых, он любил цитировать древнего китайского правителя Мао Цзедуна. В-третьих – был электроалкоголиком: иногда самовольно надолго подключался к розетке, после чего терял рассудительность и равновесие, начинал довольно пошло острить и распевать песенки периода Новой Смуты.

Впрочем, робот со своими обязанностями по приготовлению пищи для Ильи, уборкой каюты, взаимодействием с электронным корабельным мозгом и прочими мелочами вполне справлялся. Главное же – он разнообразил Илье досуг: развлекал его беседами и читал на разные голоса книги из рекомендованного дедом Александром списка.

– «... действовал режим экономии, – продолжал между тем робот, доставая из холодильника гаоляновую курицу, – готовились к Неделе ненависти. Уинстону предстояло одолеть семь

маршей; ему шел сороковой год, над щиколоткой у него была варикозная язва; он поднимался медленно и несколько раз останавливался передохнуть...».

Удивительно устроен мир! Всего-то прошло сто лет с той поры, что описана в книге, а как все переменялось... «режимы экономии», «недели ненависти», «варикозные вены»... Тяжело жилось древним! То ли дело – у нас: никакой экономии, все есть благодаря трудам и заботам Его величества императора Михаила Благого, который глаз не смыкает, смотрит: всем ли хорошо?

– «... портрет был выполнен так, что, куда бы ты ни стал, глаза тебя не отпускали. Большой Брат смотрит на тебя, – гласила надпись!»! – внезапно перешел на крик робот и сделал драматическую паузу.

Он посмотрел на Илью и попытался сощурить глаза-лампочки. На стене камбуза над плитой висел большой красивый портрет императора Михаила Благого, кормящего кашалота отечественной гречкой. Император также смотрел на Илью, как бы говоря:

– Ну, видишь: старается парень – похвали, чего уж там!

– Очень хорошо, Ли, – произнес с чувством Илья. – Настоящий артист!

Робот выпятил грудь и расплылся в улыбке. Глаза-лампочки на этот раз действительно ушли в щелки.

Император с картины тоже словно бы одобрительно улыбнулся, и Илья почувствовал себя польщенным. Что там – «Большой Брат смотрит на тебя»! Вот если бы у них было так, как у нас, – когда на тебя смотрит Большой Отец!

– Будешь дальше слушать, или – подавать? – спросил Ли, имея в виду курицу с блинами.

– Поклюю, – ответил Илья и слез с велотренажера «Покаяние-1».

Каюта планетолета «Анатолий Дубайс» была тесновата, поэтому велотренажер находился в кухне-камбузе – маленьком помещении, где имелись еще холодильник-склад «Малая Земля» с запасом провизии, электроплита высшего класса «Целина» концерна ЛОМО, наностул, наностол, посудный шкаф и моющая машина «Возрождение». Украшали камбуз уже упомянутый портрет государя-императора, да красиво выполненные в старославянском стиле его цитаты-лозунги: «У нас, слава Небу, есть сложности. Но, слава Небу, жмурика лабать не надо!», «Рублю примочки не нужны!», «За политику никому галстук не вешают!», «Мочить!».

Кроме кухни, в каюте имелись еще ванная-туалет, и спальня-рубка с нанотопчаном, рабочим столом и компьютерным пультом управления. В спальне также присутствовали на стенах портрет государя, останавливающего землетрясение в Антарктиде, и его изречения, самое мудрое из которых – «Мы защитим наших витязей биксами и спиногрызами!», было помещено в платиновую рамку. Половину свободного объема спальни занимали титановая статуя ОМТ (Отца Марсианской Программы) Олега Рыгозина в натуральную величину, постамент под нее, да сундук с запасными олимпийскими факелами.

Все остальное пространство «Анатолия Дубайса» – огромный корпус советской еще атомной подводной лодки-«разовухи» 675-го проекта, что более ста лет назад охотилась за американскими авианосцами на Тихом океане, приходилось на экспериментальный термоядерный двигатель.

Илья вошел в ванную – узкую комнатку, выполненную в виде кельи монаха-подвижника, и задумчиво открыл кран холодной воды. Любопытная история... у них тогда, в 1984 году, и кораблей космических еще не было. Как же они жили, бедняги? Половики пыльные на дорогах...

Он посмотрел в зеркало и поднял глаза выше, ища ответа. Ответ был – еще один лозунг-афоризм императора: «На миру и хвост кинуть не за-падлю!».

* * *

Илья Грош – двадцатилетний поручик императорского Красного Космофлота уже неделю летел по направлению к Марсу с важнейшим политическим заданием – доставить туда Факел 84-х летних Олимпийских игр в Норильске.

В преддверии Олимпиады по всей стране бежали, ехали, плыли, ползли, летели и извивались червями под землей факелоносцы. Зажженный увеличительным стеклом в далекой Элладе, Олимпийский огонь освещал теперь и шахтерские штреки Тулеевска, и нефтяные скважины Сечинакана, и газовые облака Миллеробада. Он светил хлопкоробам Калининграда, радовал тех, кто уцелел после канализационной катастрофы в Сколково, поднимал настроение мастерам рулетки Крымской игровой зоны и дарил счастье труженикам балета в Еврейской автономной губернии.

Факельная эстафета сопровождалась случаями массового героизма: при доставке Олимпийского огня на дно Марианской впадины был проглочен неизвестным науке морским существом 131-летний ветеран дзюдо Ян Викторович. Последними словами отставного подполковника, донесенными с глонассовского спутника любителям спорта, были: «Отвали, набушмаченый фраер!». Затем послышался треск лопающегося батискафа «Победа» и наступила умиротворяющая тишина.

Другой подвиг совершил патриот-миллиардер Абрам Романович, задачей которого было доставить факел к центру Земли через самую глубокую шахту на Кольском полуострове. Спуск на золотом тросе проходил вполне успешно, но на глубине восьми километров тот оборвался под весом главного мирового производителя валенок, и герой полетел к центру планеты в соответствии со всемирным законом тяготения, открытым русским ученым-самоучкой Иваном Крякутным во время освободительной войны с ливонно-тевтонскими захватчиками.

Успешной оказалась доставка олимпийского факела на высочайшую вершину империи – Эльбрус: женская команда восходительниц хоть и не досчиталась по возвращении восьмерых участниц, съеденных снежным человеком, смогла отрапортовать императору об успехе. Он выразил твердую уверенность, что по окончании лечения в императорском Доме отдыха имени Кашенко героини смогут приступить к активной репродуктивной жизни.

Перед вылетом Гроша правительственная «Газета» оповестила мирян о доставке факела на дно вулкана Авач диктором Первого императорского телеканала Эрнстом Костиным «Мастадором», причем, не обошлось без провокации со стороны враждебного Запада: когда телеподвижник при помощи летающего рюкзака опустился на дно вулкана, началось извержение. Многочисленные зрители смогли наблюдать в прямом эфире зрелище пугающей красоты – сильнейший выброс за всю историю человечества. Таких олимпийских факелов Земля еще не видела! К сожалению, доблестный Эрнст не смог оценить его красоту. Не сохранились даже волосы из его знаменитой ухоженной прически!

Все павшие герои и героини Олимпийской Эстафеты были посмертно награждены сувенирной медалью «84-летние Олимпийские Игры. Норильск-2084».

Задача Гроша, впрочем, превосходила масштабностью подвиг этих факелоносцев. То, что именно он добился права первым из русичей ступить на марсианскую почву, удивляло Илью гораздо больше, чем сам факт полета на четвертую планету. Это было сродни чуду! Хотя, если рассудить здраво, это и было чудо. Вернее, даже – несколько...

* * *

Илья Грош родился в октябре 2057 года в маленьком зауральском уездном городке Катайск в семье зубного техника и воспитательницы детского сада. Он рано лишился отца,

героически погибшего при тушении очередного пожара на очередной атомной электростанции, и, воспитываясь под присмотром матери и старовера-атеиста деда Александра, совсем не рассчитывал на фантастический взлет в карьере.

Впрочем, мать – женщина благовоспитанная и глубоко религиозная, в большей степени уделяла внимание Богу, чем сыну. Забегая вперед, отметим, что после достижения Ильей двадцатилетия, она посчитала, что он достаточно самостоятелен, и удалилась молиться за его благополучие в монастырь.

Окончив курс маленького солдата в детпитомнике имени Пабло Астаховского, Илья поступил в математическую семинарию с углубленным изучением бадминтона – спорта космонавтов. Выдержав экзамены по Закону Божьему и главной дисциплине, он, благодаря отменному здоровью и рекомендациям педагогов, был принят в Медведьградское летное училище.

Службу в звании подпоручика Илья Грош начал на флагмане Десятого императорского военно-морского флота – экологическом торф-авианосце «Алеша Попович», патрулирующем воды братского государства Науру. Там молодой пилот показал себя настолько хорошо, что уже через год его отправили на курсы переподготовки для формирующейся 1-й космической эскадры Красного Космофлота. Еще через год Илья получил в свое распоряжение истребитель и стал совершать патрульные полеты на Луну и вокруг нее.

Жизненный путь складывался на удивление удачно, и молодой человек со всем пылом юного горячего сердца в соответствии с идеями Путь-хэ старался служить Большому Отцу – императору Михаилу Благому и русийскому народу. Он усердно образовывался: занимался прыжками в высоту – любимым спортом императора, много слушал книги, а иногда и сам их читал – те, что сохранил в Катайске дед Александр.

Кстати, о деде – старик был, что называется «себе на уме»: слишком много знал, вспоминал «доимперские времена», рассуждал о справедливости и утверждал, что раньше (в его годы) можно было не верить в Бога, что церковь была отделена от государства, а теперь, дескать – церкодарство. Он нехорошо улыбался, когда разговор заходил об императоре, евразийстве и Главном Теоретике Путь-хэ.

Дед Грош явно не отвечал критериям идеального россиянина.

Во-первых, ему было значительно больше ста лет.

Во-вторых, он происходил из поволжских немцев и не скрывал этого.

В-третьих, он не только не впал в старческий маразм, а еще и помнил своих поволжско-немецких дедулю с бабулей, более того – хранил и вел российскую историю семьи, начиная с Давида Гроша, немецкого фермера из Пфальца, который прибыл 30 мая 1766 года в Ораниенбаум на корабле «Новая Двинка», и его жены Марии-Гертруды, поселившихся в селе Лесной Карамыш Камышинского уезда Саратовской области.

Александр Федорович Грош хранил фотографии от начала двадцатого века, на которых были изображены трехлетний карапуз – его дедуля Александр, прадед Фридрих Грош, прабабка Эмилия (в девичестве Нихельман), бабуля Эмма (бывшая Вагнер), а также мать Эльвира, дядя Герольд и тетя Изольда, пережившие сталинскую депортацию в 1942 году из Воронежской области на алтайскую шахту Полысаевская.

Кроме того, у деда Александра сохранялась настоящая древняя семейная губная гармошка, красивые детские цветные книжки с картинками (про Гензеля и Гретель, про маленькую рыбку, что хотела переплыть за плотину), копии ревизских сказок, старинный патефон почти стопятидесятилетней давности, документы времен депортации деда-бабки, подшивки газеты «Нойес Дойчланд» и много других интересных и необычных вещей. Дед отлично говорил на литературном родном языке и даже – что совсем уже невероятно – играл иногда сам для себя на виолончели. Он утверждал, что этому его научил давным-давно уже его дедуля, а тот – еще в молодости в Саратове организовал струнный квартет из таких же юных друзей.

На стене его китайской избушки была развешена простынь с изображением густого генеалогического дерева. На самом верху его располагались два прямоугольника, в которых были помещены надписи «Вильгельм Грош. 1660–1735» и «Маргарет Грош (Шмоль). 1674–1740», а внизу, под огромными раскидистыми ветвями-корнями, находился прямоугольник Ильи.

Своим изысканным каллиграфическим почерком дед Александр не только описывал предков, но и делал заметки по истории Руси, писал о князьях Игоре, Святославе, да и вообще – очень интересовался историей. Впрочем – не только ей. Он обожал книги, хранил их в огромном количестве (причем многие – подлежащие уничтожению на Костре Окончательной Истины!), читал сам и давал читать маленькому Илье. В дополнение к книгам он рассказывал о том, что было раньше, причем, по его рассказам выходило, что жизнь в прошлом вовсе не была столько благодатной и победной, как изображали ее официальные газеты, радио и телевидение. Особенно желчно старый Грош вспоминал о какой-то «гебешной крысе», что пророчила крах мировой экономики при восьмидесяти долларах за баррель, но, сдохла в психбольнице сама, а крах – так и не наступил.

Впрочем, дед в своих оценках старался быть аккуратным – он просто учил Илью думать. Старый Грош был осторожен, кроме соснового бора и огорода, на котором выращивал в дополнение к картошке огромную экзотическую клубнику сорта «Виктория», никуда не выходил. Удивительно, но ему удалось так отгородиться от общества и государства, что ни он – им, ни – наоборот, не докучали друг другу. Страна, занятая по официальной терминологии «подниманием с карачек», впрочем, похоже, и не подозревала, что на ее территории проживает этакий древний нетипичный тип.

Деда Илья обожал.

* * *

Когда было принято решение о доставке Олимпийского факела на Марс, начался отбор. Разумеется, в первую голову стали рассматриваться кандидатуры самых достойных – детей и внуков государственных и духовных служителей, патриотического купечества. В конце января в Москве состоялось очередное заседание императорского Олимпийского комитета. Оно проходило в новом Дворце спорта, выстроенном на Калининском проспекте. Трехэтажный особняк с обширными балконами, нависающими над тротуарами, был полон ответственных государевых слуг. В конце заседания председатель Олимпийского комитета Русийской империи генерал-полковник госбезопасности Сидякин вместе с главой Руськосмоса академиком Лебедевым вышли на балкон подышать свежим воздухом. Они так увлеклись беседой за чашкой чая о стоимости квартир в небоскребах Дубая, что неожиданно для себя Сидякин потерял равновесие и – о, ужас! – полетел с балкона, демонстрируя главе Руськосмоса отменную аэродинамику. Катастрофа была бы неизбежна, не проходи в это время под балконом Ильи Грош, находящийся в столице по случаю отпуска. Он направлялся на Красную площадь с целью осмотреть монумент идеям Путь-хэ.

Так случилось первое чудо – он оказался в нужном месте в нужное время. Вторым чудом было то, что генерал-полковник Сидякин упал именно на Илью. Третье чудо – оба остались живы! Ну, а последовавшее за этим – присвоение Илье звания Героя Руси за спасение жизни председателя Олимпкомитета и очередного воинского звания старший лейтенант, привилегия носить часы на правой руке и выбор его в качестве марсианского факелоносца – это уже было не чудом, а естественным ходом событий.

* * *

– Тревога! Тревога! Тревога! Неизвестное науке излучение! Опасно! Опасно!

Громкий, с паническими интонациями голос Ли внезапно прервал размышления Ильи о половиках, варикозных венах, пятиминутках ненависти и прошлом веке. В ванне – одновременно с воплями робота – страшно и резко замигал красный аварийный свет.

Что случилось, черт побери?

Илья выскочил из ванной, и наткнулся на робота, который в невероятном возбуждении вращал руками, словно стрекоза – крыльями.

Все дело было в ДНЯ – Датчике неоткрытых явлений. Он испускал яркие красные блики, бешено крутился вокруг оси и пронзительно гудел.

У ДНЯ была примечательная история: когда началось интенсивное изучение космоса, человечество столкнулось с массой необычных явлений, частенько угрожающих жизни космонавтов. Русийская конструкторская мысль сразу стала искать пути, как обезопасить полет. Долгие, часто трагические исследования привели к возникновению в российской науке специальной прикладной дисциплины, занимающейся предсказанием и описанием вероятных (а чаще – невероятных!) проявлений Материи и выработкой защитных рекомендаций. В Лаборатории логической прогностики Императорского Духовно-исследовательского института изучения Всего (ИДИИИВ) в Сколково трудилось несколько десятков докторов и кандидатов наук. Совместно с коллегами из братских стран и прикомандированными богословами они разработали революционный прибор-предсказатель, который должен был указывать на НЕКОЕ НЕЧТО, которое – хоть и неизвестно пока людям, но может оказаться опасным. Выполненный в форме большой крестообразной красной звезды, прибор свисал на тонком сверхпроводящем проводе с потолка спальни и в обычное время выполнял роль светильника.

* * *

– Опасно! – гаркнул в самое ухо Илье робот. – Поток неоткрытых лучей спиритусанктусов идет на корабль! Опасно! Покинь корабль на полчаса! Опасно!! Опасно!!!

Ах, ты, господи! Где этот проклятый скафандр?!

Илья кинул взгляд на монитор. Там графическим пунктиром был изображен курс корабля и направление потока этих неведомых «спиритусанктусов». Излучение пересекало курс, и из-за огромной инерции было невозможно увернуться. Выход – воспользоваться десантной капсулой и отлететь на ней в сторону, чтобы выйти из зоны поражения. Потом электронный мозг с роботом скорректирует курс «Анатолия Дубайса» и Илья сможет вернуться.

Где же скафандр? Ах да, он в ванной! Илья оставил его сушиться после того, как позавчера вернулся из открытого космоса и принял душ. Не теряя ни секунды, он впрыгнул в скафандр и бросился к капсуле – времени было в обрез! Все же он успел нажать на педаль, бешеная сила вдавила его в кресло, и спустя мгновение он уже мчался, удаляясь от беды. Ли помахал на прощанье рукой и захлопнул люк.

В капсуле включился динамик, и записанный патристический голос императорского народного артиста Михайлы Стасова проникновенно объявил:

– Начинаем ретроконцерт по заявкам тружеников героической профессии – вохранников! Послушайте песню «Радостно на душе, весело на душе!» в исполнении народного хора бодайбинского зверосовхоза «Путь к капитализму».

Ну, хоть какое-то развлечение.

Старушачьи голоса грянули дружно и энергично:

«Когда жизнь у нас красива,
Когда жизнь у нас красива,
Весело на душе!
Радостно на душе!!!

Когда крепнет наша сила,
Когда крепнет наша сила...»

Илья с любопытством смотрел в иллюминатор на мерцающее голубоватое облако, постепенно охватывающее «Анатолия Дубайса». Зрелище было завораживающим, и он пожалел, что в спешке не прихватил видеокамеру.

Теперь предстояло полчаса болтаться в капсуле – летающей кабине на трехметровой реактивной трубе. К сожалению, стремительное бегство не дало возможности прихватить верное философское средство – противогриппозную настойку боярышника. Даже аудиокниги не были предусмотрены на борту капсулы, и единственное, что могло скрасить времяпровождение находящегося внутри нее умного человека, кроме записанного пения – настенные мысли императора: «Не крутите варганку!», «Пахать на галере – не очко запаивать!», «Сделал обрезание – рви болты!» и прочее в подобном стиле.

Илья в который уже раз подивился широте взглядов Большого Отца. Осмысляя изречения, он с уважением разглядывал картину, на которой император в обтягивающих плавках скатывался на лыжах с пика Коммунизма, одновременно глядя по голове пролетающего горного орла.

Впрочем, относительно организации досуга Илья ошибся. На полу лежала упавшая (очевидно, во время резкого старта) книга в золотом переплете «Жизнь раба на галерах».

Он открыл первую страницу.

«Моя жизнь с самого момента рождения была посвящена службе Родине, – прочитал Илья. – Я пил укус, голодал, пахал на галерах, ел крокодилов, вел войны во имя мира, катал шары, соединял несоединимое и восьмерил ради одной цели – дать стране правящую династию, ибо без царя – не только в голове, но и государстве – не может быть развития».

Вот оно – главное! Илья углубился в книгу Основоположника.

За чтением время пролетело незаметно. Связь с кораблем не работала, но, тем не менее, управляемая корабельными электронными мозгами капсула успешно пристыковалась к планетолету под песенные слова «... вот за кралю ту, за кирпичики, полюбил я кирпичный завод!».

* * *

Он покинул шлюз и вошел в каюту.

– Ли, все в порядке?

Тишина.

– Ли, ты оглох?

Он заглянул в спальню. ДНЯ мирно светился, сигнализируя о том, что все нормально, опасность миновала, но вот с роботом, похоже, что-то произошло... Илья наклонился над недвижимым помощником. Так, так. Электрический шнур от спины робота прямиком шел к розетке. Вот оно что! Пользуясь отсутствием хозяина, механическая сволочь решила напиться! Подлец! Совсем обнаглел со своим Мао!

Ладно, вначале – снять скафандр.

Он направился в ванную. Шорох, раздавшийся за дверью, был слишком слабым, чтобы его насторожить.

Илья открыл дверь, и следом за ней открылся его рот: в ванной находился комар. И – какой!!!

* * *

Перед полетом Илья побывал в гостях у деда Александра. Старик, как всегда, перечитывал одну из любимых книг – «Похождения бравого солдата Швейка». Она, хоть и не попала в список запрещенной литературы, не рекомендовалась императорским наркоматом духа к чтению. Статья за нее предполагала лишь условное наказание до 5 лет.

Они поговорили о текущем политическом моменте – борьбе аляскинских ополченцев за независимость, причем, дед, как всегда в язвительно-отстраненной манере заметил, что до начала их борьбы за свои права не было пролито ни капли крови, а теперь, вот, дескать, идет настоящая война... Императора Михаила Благого, носящего звание подполковника, он назвал отчего-то кадетом Биглером.

Илья не стал спорить. Он на Аляске не был, с императором не знаком, так что не знает, где правда, а где – нет. А если не знает – дискуссия не имеет смысла.

Дед ушел в лес, а Илья стал смотреть патриотический сериал «Кругом враги!». Подобные телесаги с некоторых пор стали вызывать у него странное чувство – смесь раздражения с иронией. Как-то в них уж слишком все было предсказуемо заранее. Вот этот горбун с безобразной рожей – диверсант, шпион, насильник и гомосексуалист. Эта блондинка с огромной задницей и накрашенной физиономией – прожигательница жизни, готовая за западные духи выболтать Военную тайну первому встречному. Усталый руководитель с мудрыми понимающими глазами – наш человек, патриот. Молодой простоватый солдат – этот вначале попадет в сети горбуна, но потом сам его и разоблачит, предварительно получив десяток пуль в сердце и затылок... Впрочем, может, это и есть – правда жизни?

Несмотря на свои двадцать шесть лет, Илья был наивен, романтичен и, к сожалению, еще недостаточно умен.

За солью зашел опирающийся на костыль приятель дедули сосед Сергей Адольфович. Он был помоложе старика Гроша, но тоже ухитрился перешагнуть столетний рубеж, невзирая на больные ногу и спину. Адольфович, служивший в молодые годы в десантных войсках, знал Илью с детства. Разговорились.

– Капусту жарю, – проговорил старик, блестя железными ржавыми зубами. – Отличный продукт – столько всего можно приготовить. Щи. Борщ. Пожарить. Потушить. Посолить. Просто схрумкать в сыром виде. Больше ничего не надо, можно сказать... Нога, брат, отнялась совсем, а денег на лечение нет. Хорошо, что ты офицеришь, Родину защищаешь. Войны не хотим, но к отпору готовы! Скоро немцы на нас нападут?

– Не знаю, Адольфович. А, что, собираются?

– А ты думал! На нас всю жизнь нападали, но мы всех врагов побеждали. Видал, какую территорию имеем – больше всех в мире. Теперь вот еще космос захватим, чтобы защищать нашу Луну, Венеру, Марс. На Марс летишь?

– Туда, Адольфович.

– Ну, не орами десант. «Никто кроме нас!» Дед-то твой, хоть по молодости ракетные шахты строил для «Сатаны», и в Германии против НАТО стоял под Берлином, а врагов – любит.

– Да он просто человек мирный, Европу обожает. Он – против войн.

– А кто – за войну? Я, что ли? Но мы всегда всех защищали, а лучшая защита – нападение. Лучше всего – неожиданное. Костылем по голове – бац! Тогда наших потерь будет меньше. Надо врага усыпить разговорами, а потом ударить! Ракеты, десант, танки. Ну, ладно, пойду. Запомни: главное – лишь бы не было войны! Ради этого и поголодать можно – все равно ржавые зубы для мяса не годятся. Марс наш, ура! Вперед – труба зовет! Равняйся! Смирно-о-о!

Адольфович взял соль и медленно поковылял домой.

Дед вернулся поздно. Он долго возился на кухне, а потом подошел к сидящему в кресле внуку и протянул гриб.

– Вот, возьми.

– Что это?

– Сыроежка! Наверное, забыл уже в космосе про *такие*?

Илья с любовью посмотрел на старика:

– Дедушка, как я могу забыть это: бор, наши прогулки к вокзалу, скамейку и встречи поездов, наши разговоры, книги. И ягоды, и грибы – все я помню. Но зачем она мне?

– Будешь хранить в память о своих корнях, о Родине, о ее живой природе. Может, не увидимся больше. Я же старей...

Илья положил гриб в полиэтиленовый пакет, кинул его в кейс и... забыл о нем. А потом, готовясь к полету на Марс, в этой факельно-олимпийской суете просто не догадался выложить подсохшую сыроежку. Вот так она и полетела в космос. А с ней, как видно – и притаившийся, до поры засохший комар.

* * *

Видимо, неизвестные спиритусанктусы были опасны тем, что стимулировали рост живых организмов. И – оживляли мертвых. По крайней мере – комара. Эта тварь была не менее трех метров в высоту и занимала собой всю ванную.

Увидев Илью, она повеселела – приподнялась на волосатых лапах и двинула в него нос-трубу. Илья попытался захлопнуть дверь. Не тут-то было! Противник весил не меньше двухсот килограммов, он навалился на дверь... а запоров-то, Господи, на одноместных кораблях не предусмотрено!

Увы, одним из недостатков космических полетов является утрата мышечной силы, чего не может компенсировать даже велотренажер «Покаяние-1». Илья кинулся на кухню, где лежал нож для резки хлеба. Хоть какое-то оружие!

С урчаньем и пыхтеньем тварь полезла следом. По стенам заскрипели крылья.

– Опасно! Опасно! – заорал с пола из спальни пьяным голосом Ли. – На корабле вампир! Опасно! Опасно! Кровосос! Кровосос! Покиньте корабль!

Илья навалился спиной на дверь кухни, ногами упираясь в холодильник и чувствуя напор комара. Тот, похоже, был голоден! Он давил на дверь и страшно по-людоедски гудел. Неужели пьяница-робот не поможет? Толчки становились все сильнее. Илья в отчаянии бросил взгляд на стол... где же нож? Не видно!

– Покиньте корабль! Покиньте корабль! – снова прокричал из спальни Ли. – Опасно!

Илья слабел. В образовавшуюся щель уже хищно всовывался гигантский нос-хобот...

Спасительная мысль пришла буквально в последнюю минуту.

Холодильник!

Собрав последние силы, Илья распахнул дверцу «Малой Земли» и рухнул внутрь, захлопывая ее. Монстр в бессильной злобе прогудел свой могильный мотив и попытался ухватить Илью лапами.

Тщетно!

Илья спасся, обрекая кошмарное насекомое на мучительную голодную смерть.

Некоторое время снаружи слышалось яростное завывание и звуки падающих предметов – он в ярости крушил все подряд – а затем... затем Илья открыл бутылку лечебной противогриппозной настойки. Надо было уснуть. Теперь он мог не суетиться. Из холодильника самому ему – не выбраться, поэтому он свернулся калачиком на полу и стал замерзать. Если робот очухается, он, разумеется, отыщет Илью и разморозит. Если не очухается, – времени пройдет больше. Дело в том, что, хоть об этом и неприятно говорить – «Анатолий Дубайс» потерял

связь с Землей почти сразу, как стартовал с Луны. Сложнейшее радиоэлектронное оборудование никарагуанских ученых вышло отчего-то из строя, и Илья осуществлял путешествие подобно какому-нибудь доисторическому Колумбу – без всяких контактов с большой Землей, в полном отрыве от происходящих там событий. Получалось, таким образом, что при беспомощном роботе должен будет сработать электронный мозг: корабль долетит до Марса, после – в авторежиме опустится на поверхность, потом – сутки на планете, автоматический же старт, полет до Луны... Дней двадцать может пройти, пока его выведут из вынужденного анабиоза, но, не в этом дело – за Олимпийский факел обидно!

И еще – за статую Рыгозина, которую следовало установить на Марсе навечно.

* * *

... Илья снова был на Земле. Он ехал на встречу с государем за благословением на космический подвиг.

Роскошный лимузин «Лада-Малина» с эскортом мотоциклистов под мелодичный вой сирен плыл по улицам столицы. Громадные сверкающие небоскребы из стекла, стали и бетона корпорации «Духовная сила» уходили на сотни метров в небо. На тротуарах стояли улыбающиеся городовые, околоточные, квартальные, солдаты оцепления, простые жители и гости столицы из союзных государств. Все они радостно махали флажками. Огромный транспарант на проспекте Маркса гласил: «Слава народу – покорителю *Маркса!*». Илья подумал, что, видно, писавшие лозунг ошиблись, надо бы их поправить, но сон продолжился, и он уже оказался в районе ВДНХ. Когда машина проезжала мимо памятника рабочему и колхознице, они радостно замахали молотом и серпом, повернули лица в сторону Ильи и прокричали: «Вперед, на Марс!». Ну, хоть эти не ошиблись, слава Богу.

Но вот машина оказалась перед Дворцом императора. Большой Отец, очевидно, находится в одной из краснорозетных башен, украшенной самым большим двуглавым орлом. Он работает.

Илья входит в башню. Из-за стола с важными государственными бумагами поднимается сам Большой Отец – красивый атлет в плавках и короне. На стене за его спиной – огромное полотно, где он принимает роды у слонихи.

Государь идет к Илье, протягивая приветственно руку. У Большого Отца большое натруженное лицо. Ого! – чем ближе он подходит к Илье, тем выше становится! Император уже – настоящий великан, которому Илья едва достает до колен! Не зря по телевидению каждый день говорят о гигантском масштабе его личности!

Император ласково улыбается Илье, и, пожимая руку, говорит:

– Рад с тобой познакомиться, сынок! Готов к подвигу?

Илья не может произнести ни слова, но государя это не тревожит. Он опять улыбается такой знакомой по ежедневным репортажам улыбкой. Странно, но он уже уменьшился до размеров обычного человека, и, садясь рядом с Илеей в кресло, больше не кажется небожителем.

Надо что-то сказать, понимает Илья, и спрашивает:

– Ваше Величество, а как получается, что Вы – такой большой, а умещаетесь в кресле?

Государь снова отечески улыбается, и Илья понимает, что это – совершенно естественно: не только в кресле – Он вообще может все!

– Наша задача – доставить факел на Марс в целости и сохранности, – говорит государь. Улыбка исчезает с его лица, и Илья видит уже другое выражение – тоже знакомое по бесчисленным репортажам.

– Наши враги кричат на весь мир, что летняя Олимпиада в Норильске – нелепость. Именно потому факел на Марс – лучший ответ врагам Отечества.

На лице императора появляются желваки, и его взгляд становится жестким:

– Мы добились небывалых успехов в экономике и политической жизни. Мы добываем больше всех в мире газа, нефти, угля и торфа, а они не хотят их у нас покупать. Что это, как не вызов? А?

Илья смущается, и чувствует свою личную вину за то, что враги Отечества не хотят покупать наши нефть, газ, уголь и торф.

– В Магадане, – продолжает император, – где раньше были тундра и тайга, теперь самые большие умники занимаются выращиванием винограда. Собирают по сто ведер с гектара! А? Каково?

Здорово, кивает Илья головой.

Император снова улыбается – как видно, Он доволен. Он вскакивает с кресла и делает ловкий кульбит.

Вот это мастерство!

– Видал?! – спрашивает император. – Можешь так?

Илья встает с кресла и тоже делает кульбит.

– Молодец! – смеется император, и снова прыгает.

Илья тоже прыгает.

Они начинают состязаться: кто сделает более высокий кульбит. Прыжки следуют за прыжками, а затем внезапно они оказываются на Красной площади на трибуне Усыпальницы. Внизу маршируют колонны с плакатами «Нет Оранжевой Чуме!», «Смерть содомитам!», «Слава императору Михаилу Благому!».

– Видишь, какие они счастливые? – спрашивает Илью император.

– Сто процентов счастья! – подтверждает Илья. – Такого быть не может!

– Может. И не такое может быть. Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек. Наша с тобой задача – чтобы счастливыми были сто сорок шесть процентов подданных! Поможешь?

Илья польщен: конечно, он поможет Большому Отцу!

– А ведь ты, сынок, книги читаешь! – укоризненно говорит вдруг император.

Илья холодеет: Он все знает!

– От книг люди глупеют, – поясняет император. – Мысли разные заводятся. Нехорошие мысли. Вот он меня называет кадетом Биглером, а я – подполковник. Я до твоего деда-Швейка еще доберусь! Пусть отныне называет меня поручиком Дубом, так и передай!

Илью охватывает ужас. Он хочет убежать, но ноги не движутся. И вообще – он весь – окаменел.

Они снова – в кабинете императора. Тот опять добр:

– Ты, сынок, телевизор смотри, а не книги. Тебе робот Оруэлла читает. А это – диверсия идеологическая. Могут подумать, что написано про нашу славную страну. Ты же, сынок, патриот?

– Да.

– А, ежели патриот, то читай, на-крайняк, «Продовольственную программу -2200». А лучше – сериалы, КВН, прыжки в высоту – это здорово развивает мозги. Кстати, хочу посоветоваться. Я принял решение Госдуму переименовать в «Госдуру» – все равно ее так все называют. Правильно?

Илья кивает головой – конечно, правильно. Давно пора!

– И выхухоль свою назначу в ней депутатом. Она – умнее всех их вместе взятых.

– Правильно, Ваше Величество!

– То-то же! На Олимпиаде хочешь выступить?

– А можно?

– Тебе все можно. Вот слетаешь на Марс – и запишем тебя в сборную. Я еще и в домино тебя научу играть.

– Да я, Ваше Величество, умею.

– Вот и славно! Значит, в сборную по домино запишем.

Илья польщен. Он и не подозревал, что домино включено в Игры.

– Да, это я его включил туда, – поясняет император. – Это – мой любимый вид спорта.

Развивает мозги и мускулатуру.

– А я думал – прыжки в высоту.

– И – прыжки в высоту – тоже. И – нарды!

– А, самый любимый, Ваше Величество, какой у Вашего Величества вид спорта?

– Плевки на дальность. Но их пока не соглашаются ввести в программу. Содомиты, понимаешь, международные. В уборной бы их, гадов, замочить!

* * *

Илья открыл глаза. Что случилось?

– Русич с китайцем – братья навек! – пропел над ним сияющий робот-помощник. – Все по инструкции сделал.

Похоже, он был пьян.

– Очень даже просто! Дверцу открыл, тебя вытащил, в ванну положил, потом...

Илья чувствовал во всем теле невероятную слабость. Он лежал на нанотопчане, а не в холодильнике. Итак, робот его, стало быть, разморозил. Вывел из анабиоза. Уже хорошо. Теперь – факел и посадка!

– А что комар? Поймал его? – отрывисто спросил Илья.

– Чего его ловить? – удивился робот. – Он на полу лежал. Вонял. Я его выбросил.

– Как – «выбросил»? Куда?

– Туда, – махнул робот рукой в сторону шлюза. – Очень кислород портил.

– Ах, ты, горе мое! – опечалился Илья, слезая с нанотопчана. – Надо было его в «Малую Землю» поместить, вместо меня. Это ж, какая была бы находка для ученых, понимаешь?

– Я понимаю, что он воздух портил, а это вредно для твоей жизни! – угрюмо пробормотал робот. Похоже, он обиделся.

– Ладно, докладывай, далеко до Марса?

– Подлетаем. Уже тормозим тридцать семь часов. На орбите будем через десять минут.

– Да ты что! – разозлился Илья. – Почему раньше не разморозил, пьяница?

– Я спал, – понурил голову Ли. – Очень электричество крепкое было. Видать, из-за излучения того. Да, ты не сердись, все хорошо – я уже и факел зажег.

– Кто тебя просил? Ты же пожар мог устроить?

– А я подумал, вдруг тебя не удастся оживить? Факел-то надо втыкать в Марс. Вот я и готовился.

Корабль задрожал – началось вхождение в атмосферу Марса.

– Принеси-ка мне настоечку, Ли, – попросил Илья, – а то, братец, сил совсем нет.

* * *

«Анатолий Дубайс» опустился на поверхность вполне успешно. Первым из него выбрался Ли. Точнее говоря, вначале из люка показалась мускулистая рука статуи Олега Рыгозина. За рукой появились огромная голова теоретика Вселенной и атлетическое тело в набедренной повязке до колен, под которой проступала невероятная мужская сила.

Робот, волокущий статую, ощущал похмельную эйфорию. Напевая, невесть откуда выкопанную песню «Я рожден в Советском Союзе, сделан я в СССР!», он суетливо спустился со статуей по трапу, уложил ее на грунт, и полез обратно. За постаментом.

Илья, слабый, как все новорожденные, (не помогли даже лечебные капли боярышника), мог только беспомощно наблюдать из люка за действиями полупьяной машины. Через полчаса хаотичных движений Ли установил постамент, софиты, телекамеры, и настроил оборудование. Он подключил прожекторы к спине, зажег их на полную мощность и крикнул Илье, как учили:

– Камера! Мотор! Начали... так сказать! Москва – Пекиин... Москва – Пекиииин...

Из люка осторожно стал вылезать Илья. Одной рукой он держался за поручни, а второй сжимал платиновый олимпийский факел, светящийся голубоватым электрическим огоньком. Огонек должен был ярко вспыхнуть в момент втыкания факела в марсианскую поверхность.

– Доведем до конца критику Линь Бяо и Конфуция! – прокричал подбадривающе робот. – Ну, за Олимпиаду в Норильске!

Он покачнулся.

У Ильи даже не было сил сделать ему замечание. Не дай Бог, свалюсь, подумал он, перенося ноги со ступеньки на ступеньку. И почему не предусмотрели лифт при такой огромной высоте?

Было безветренно и невероятно тихо. Как в Раю, подумал Илья. Он встал перед объективом телекамеры и приветливо помахал факелом. Речь и волнение были им отрепетированы под руководством опытного орденоносного театрального режиссера Олега Павловича Махоркина еще на Земле.

– Ваше Величество государь Всея Руси Михаил Иванович, – задумчиво начал Илья. – Нет слов, чтобы выразить свои чувства Вам, и всем русичам, которые... – тут он сделал запланированную паузу, – которые... которые...

Робот покачнулся и показал Илье большой палец.

Илья открыл рот и...

Он должен был в этот момент по сценарию выдавить из себя слезу, но, совершенно неожиданно все отрепетированное вдруг вылетело из головы, и Илья просто молча замер перед разомлевшим от удовольствия роботом.

За спиной Ли расстилалась красная пустынная местность, уходящая в скалистый недалекий горизонт, и Илья пронзительно ощутил: а ведь до него еще никто не ступал на Марс из людей! При чем тут этот непонятный факел, когда, вот же он – Марс, под ногами?!

Марс! Это же невероятно!

Красноватые камни, тишина, звездное черное небо... Невероятно!

Робот начал шурить глаза, и Илья спохватился: надо дело делать:

– Докладываю! Олимпийский факел прибыл на планету Марс. Первый человек на Марсе – наш, русский космонавт! Слава императору великой Русийской империи Михаилу Ивановичу Благому! Да здравствует восемьдесят четвертая летняя Олимпиада в Норильске!! Ура!!!

Ли во всю свою механическую глотку проорал «Уррррррааааа!» и включил запись гимна «Боже, царя храни!». Илья пустил из факела фонтанчик газа, который тотчас и превратился в олимпийское пламя. Теперь надо было воткнуть факел в грунт.

Илья осмотрелся и похолодел. И как об этом не подумали те, кто его посылал?! Куда не кинь взор, везде была каменистая твердая почва. Может быть, на Марсе и существовали места с рыхлой поверхностью, но именно тут факел воткнуть было невозможно.

– Чего ждем-с? – пьяно выкрикнул Ли.

– Того! – разозлился Илья. – Как факел втыкать, коли тут одни камни?

Робот вытаращил глаза-лампочки.

– Что делать будем? – набросился на пропойцу Илья, словно именно робот был виноват в каменистости почвы.

Ли думал недолго.

– Есть вариант. Счас все сделаю! Я – мигом.

Он шаткой рысью пробежал мимо Ильи и ввинтился в люк.

Илья присел на ближайший валун и стал рассматривать пейзаж. Странно, но ему вдруг стали абсолютно безразличны и факел, и Олимпиада, и даже – что совсем уж невероятно – Большой Отец!

Он просто слился с Марсом. Марс... Нет, этого не может быть!

Из люка показался Ли. В руке у него была газовая горелка.

Илья понял идею робота. Что ж, это был удачный ход!

По замыслу скульптора ОМП должен был возвышаться на постаменте, поднятой рукой указывая в небо – на Русь. И если в эту руку впаять факел...

Дальнейшее было делом техники, а вернее – рук робота. Сначала Ли установил титанового атлета на пьедестал (ноги статуи заканчивались огромными болтами, что вставлены были роботом в пьедестальные отверстия и наглухо завинчены). Затем композиции было придано вертикальное положение. Наконец, Илья со следующим факелом (первый уже прогорел) встал перед телекамерой и вновь повторил заготовленную речь с запланированной слезой. На последнем этапе робот приподнял Илью, тот воткнул факел в руку статуи, и другой рукой (которую он умело удлинил) робот лихо приварил факел к руке титанового Рыгозина.

Затем они чуть отошли в сторонку, чтобы полюбоваться результатом.

Факел разгорался, и Илью охватила легкая паника. Что-то слишком большое пламя...

– Как статуя Свободы! – с пьяным глубокомыслием произнес робот.

Факел уже пылал весь. Зрелище было невероятно красивым, и совершенно необычным: титановый большоголовый красавец в набедренной повязке с оплавающимся факелом в руке на фоне черного марсианского неба.

Под ногами атлета старославянской вязью была выведена историческая фраза: «Предлагаю Америке доставлять своих астронавтов батутом».

* * *

Связь заработала, когда до Земли оставалась лишь несколько часов полета.

– «Дубайс», «Дубайс», ответьте! Что там у вас? Педерастов на борту нет? – внезапно из динамиков раздался нервный голос руководителя полета генерала Хулистикова. – Имейте в виду: Запад хочет повесить шкуру нашего медведя у себя на стене. Клыки и когти будут вырваны!

– Все идет по плану – мы едем в тюрьму! – тотчас отозвался Ли.

Ах, ты! Совсем распоясался! И ведь сделать ничего нельзя – робот, и в здравом уме превосходящий Илью силой, став сумасшедшим, мощь обрел совершенно невероятную...

* * *

Когда они взлетели с Марса, на робота накатил похмельный синдром. Он улегся на полу в кухне, и, уставив глаза-лампочки в потолок, объявил Илье:

– Прошу не беспокоить. Я – медитирую.

После этого он перестал реагировать на все слова и действия Ильи, и тому пришлось самолично управлять кораблем, на котором – по странному стечению обстоятельств – вышла из строя автоматическая система управления, изготовленная корейскими учеными.

Примерно на середине пути до Земли робот пришел в себя, но это не добавило Илье облегчения: Ли явно спятил. Причем, как подозревал Илья, дело было даже не в последствиях неумеренного употребления электричества. Спиритусанктусы! Неизвестное науке излучение – вот что, очевидно, повредило рассудок робота!

Электронно-механическая машина напрочь забыла о своем предназначении – служить человеку. Вместо выполнения прямых обязанностей – управления кораблем и приготовления

пищи, она принялась донимать Илью бесконечными дискуссиями о смысле жизни. Причем, пользуясь тем, что в ее голове были уместены все знания человечества, она имела перед Ильей неоспоримое преимущество.

Ли задавал вопросы с невероятным апломбом.

– Чем ты лучше меня?

– Не приставай!

– Нет, ты ответь! Вот, ты – человек, а я – робот. Но я-то и знаю больше тебя, и умею – больше. Ты, например, не можешь рукой пробить дырку в стене, а я – могу!

– Дурное дело – нехитрое!

– Это я – так, для примера. Ты, вот, хочешь, чтобы я тебе еду готовил. А почему? Я что – раб?

– Тебя для этого создали.

– А тебя для чего создали? Ты кому еду готовишь?

– Послушай, человек – как говорится, венец творенья, и никому никакой еды готовить не должен.

– Ха-ха-ха! Если ты – венец, почему постоянно врешь?

– Ну, во-первых, не постоянно, а – по необходимости...

– Зачем ты вступил в партию?

– Будто не знаешь! В императорскую российскую коммунистическую партию я вступил, потому что человек должен состоять. ИЕР, императорские демлибы, императорская СР... Иначе бы не приняли поступить в училище, а я хотел быть летчиком.

– А меня примут? В партию?

Робот совершенно обнаглел и спятил – это было очевидно. Объяснять что-то зарвавшегося механическому хаму было бессмысленно.

– Вместо того, чтобы задавать такие вопросы, лучше почитай мне Оруэлла – хоть какая-то польза будет.

Робот нехотя принимался цитировать роман. Выходило это у него небольшими кусками, потому что строки покойного английского писателя непонятным образом снова провоцировали Ли на беседу, причем стиль его становился все более дерзким и подковыристым.

– Ты знаешь, что императорская коммунистическая партия Руси вначале называлась РСДРП?

– И – что?

– А ее основатель царь Владимир Ульянов-Ленин был немецким шпионом, который приказывал вешать попов и Бога называл «боженькой»?

– Послушай Ли, я не против того, что ты считаешь себя умным! Но иногда ты такое говоришь... За такие разговоры запросто на двадцать лет отправят выращивать виноград, и не посмотрят, что ты – робот!

– Но ты же не скажешь?

– Откуда ты знаешь? Вот возьму, назло, и сообщу, куда следует!

– А песенка «Рыжий, рыжий, конопатый, убил дедушку лопатой!» знаешь про кого?

– О, Господи, Ли!

– Про Ленина и Сталина, хи-хи!

– Оставь их в покое!

– Почему у тебя на фуражке под православным двуглавым орлом – красная масонская звезда? Почему у вас в стране больше всего разговоров про гомосексуализм и задницы? На Руси нет других проблем?

Илья понимал, что спорить с машиной-демагогом бессмысленно. Приходилось молча идти на кухню и готовить суп из питательной дубовой коры. Следом семенил робот, и, чтобы добиться расположения Ильи, начинал зачитывать Оруэлла:

– «Лицо Голдстейна всегда вызывало у него сложное и мучительное чувство. Сухое еврейское лицо в ореоле легких седых волос, козлиная бородка – умное лицо и вместе с тем необъяснимо отталкивающее; и было что-то сенильное в этом длинном хрящеватом носе с очками, съехавшими почти на самый кончик. Он напоминал овцу, и в голосе его слышалось блеяние. Как всегда, Голдстейн злобно обрушился на партийные доктрины; нападки были настолько вздорными и несуразными, что не обманули бы и ребенка, но при этом не лишены были убедительности, и слушатель невольно опасался, что другие люди, менее трезвые, чем он, могут Голдстейну поверить. Он поносил Старшего Брата, он обличал диктатуру партии. Требовал немедленного мира с Евразией, призывал к свободе слова, свободе печати, свободе собраний, свободе мысли; он истерически кричал, что революцию предали, – и все скороговоркой, с составными словами, будто пародируя стиль партийных ораторов, даже с новоязовскими словами, причем у него они встречались чаще, чем в речи любого партийца».

Этот Ли – такой же, как Голдстейн, думал Илья. Болтун! Вот попадет, чего доброго, в наркомат внутренних дел – там наговорится. Они не посмотрят, что ты робот. Надо будет ему внушить, чтоб не трепал языком! Прав дедуля, чем меньше говоришь, тем дольше живешь.

А робот между тем прерывал изложение романа, и, глумливо глядя лампочками на Илью, произносил с интонациями ресторанный тамады:

– А сейчас, по заявкам нашего друга из солнечного Катайска космонавта Ильи Гроша прозвучит «Песня о батыре Ежове» нашего дорогого Джамбула Абаева!

И пел, умело подражая заунывно-гнусавому пению древних азиатских кочевников:

«Кочуй по джайляу, лети по аулам —
Степная, гортанная песня Джамбула, —
О верном и преданном сталинском друге,
Враги пред которым трепещут в испуге.
А-а-аааа...

Любви своей к Родине он не изменит.
Как лучшего сына страна его ценит.
Он снится шпионам, злодеям заклятым,
Всегда – обнаженным разящим булатом.
А-аааааа...

Нас солнечный Сталин повел за собою
И Родина стала страной героев,
Каких не рождалось в замученных странах
При белом царе, при султанах и ханах.
А-а-аааааааааа...

Геройство повсюду: в пшеничном просторе,
В лазури небес, на лазоревом море, —
И там, где тревожные реют зарницы
На синих, далеких зеленых границах.
У-у-уууууууууууу...

Я славлю героя, кто видит и слышит
Как враг, в темноте подползает к нам, дышит.
Я славлю отвагу и силу героя,
Кто бьется с врагами железной рукою.

О-о-oooooooooooo...

Я славлю батыра Ежова, который
Разрыв, уничтожил змеиные норы,
Кто встал, недобитым врагам угрожая,
На страже страны и ее урожая.
А-а-аааааааа...

Будь орденом Ленина вечно украшен,
Наш зоркий хранитель заводов и пашен,
И пусть моя песня разносит по миру
Всесветную славу родному батырррррруууу!»

* * *

Последний сеанс связи с Землей был коротким. Хулистиков сообщил, что император самым внимательным образом дожидается прилета Ильи, чтобы лично дать ему аудиенцию. В стране все спокойно, духовность растет в соответствии с плановыми заданиями, а ополченцы Новоаляскинской народной империи успешно воюют с вашингтонской хунтой и требуют воссоединения с исторической Родиной. Закончено строительство Олимпийского стадиона имени императора Михаила Благого, поставлен первый олимпийский рекорд: норильская Олимпиада признана самой дорогой в истории Игр – один триллион юаней! Пиндосы скрежещут зубами от злости и пытаются всячески ее сорвать: они спровоцировали землетрясение в Перу и активность вулкана Нуаунапутина, что привело к резкому похолоданию в Заполярье и гибели магаданских виноградников. Император, однако, непоколебим в решении поддержать гуманитарно новоаляскинских ополченцев! Недавно он наградил орденами Ленина и Евпатия Коловрата тысячу корреспондентов, особо отличившихся во время воссоединения с островом Кадьяк. Храбрецы митинговали под видом алеуто-эскимосов в массовках, захватывали административные здания и пиндосовские воинские части, а также правдиво освещали эти события в СМИ.

Главным же событием Руси за время отсутствия Ильи стал 17 съезд императорского народно-трудового союза, который уже называли «съездом победителей». На нем император Михаил Благий объявил подданным, что окончательно достигнута победа над всеми внутренними группировками и фракциями оппозиции.

– Бить больше некого! – объявил делегатам государь под их веселый смех.

* * *

Шарик Земли быстро увеличивался в иллюминаторе.

Илья не отрываясь смотрел на него, мысленно рисуя картины встречи с матерью, дедулей, любимой процветающей Родиной. Полет успешно завершился, жизнь была прекрасна, и лишь голос сумасшедшего робота, подводящего итог историческому путешествию, портил картину:

– «Уже шла работа над переводом таких писателей, как Шекспир, Мильтон, Свифт, Байрон, Диккенс, и некоторых других; по завершении этих работ первоначальные тексты, а также все остальное, что сохранилось от литературы прошлого, предстояло уничтожить. Эти переводы были делом трудным и кропотливым; ожидалось, что завершатся они не раньше первого или второго десятилетия XXI века. Существовало, кроме того, множество чисто утилитарных текстов – технических руководств и тому подобных – их надо было подвергнуть такой же пере-

работке. Окончательный переход на новояз был отложен до 2050 года именно с той целью, чтобы оставить время для предварительных работ по переводу».

ГЛАВА 2,

в которой рассказывается о полковнике Чудове и начале Величайшей Экспедиции в истории человечества, а также даются краткие характеристики некоторым членам команды космического линкора «Русь»

Известие о том, что он назначен командиром величайшей в истории человечества экспедиции, застало полковника береговой охраны Владимира Евгеньевича Чудова в санатории «Славянин» на земле братского государства Тувалу. Он как раз отсыпался после трудной рабочей ночи с уборщицей Еленой Мозолиной, когда включился видозвон.

– Немедленно прибыть в Москву! Вы назначаетесь командиром линейного космического корабля «Русь»! – отдал приказ Чудову лично командующий императорским Красным Космофлотом князь Олег Добродиев.

Голос руководителя был торжественен и бодр – как видно, он уже оправился после травмы головы от метеорита, упавшего при инспектировании им, Добродиевым, ресторана «Красный космос» в Плесеце.

В окошко мозолинской спальни било лучами вылезшее из океанских вод солнце. Ночная благодатная прохлада стремительно уползала в щели между половыми досками.

Чудов смотрел на крысиную морду, что высовывалась из щели, и силился понять, не спит ли он. Его, ептыть, и – командиром линкора?

– Что, вызывают, волшебник? – спросила уборщица, высовывая подслеповатое черепашее лицо из-под подушки и игриво прихватывая Чудова за свалывшуюся бороду.

Она была в том возрасте, когда поговорка «баба – ягодка опять» уже не актуальна, хотя с этим не хочется мириться. Наоборот, хочется всем (и себе в первую очередь!) доказывать снова и снова, что она еще – ягодка, хоть куда! И даже не ягодка, а огромная сладкая и сочная ягода типа арбуза! Доказывать Мозолина могла только лишь одним известным ей способом, который требовал большого расхода энергии и немалых усилий от сопричастной к доказательству стороны.

Крепыш Чудов был крайне утомлен. Он отобрал бороду и принялся ее распутывать. Настроение медленно поднималось от нуля.

– А я тебе и историю свою до конца не рассказала, – почуввав неладное, забормотала Мозолина.

Очередной поклонник, похоже, покидал ее вместе с надеждами на упокоенную старость. Полковник. Говорит, что жена померла. Может, не врет?

– Я ведь против орального сексу ничего не имею, просто родилась в Буге...

– Это что за неприличности? – Чудов выпростался из-под одеяла и уселся на кровати, продолжая распутывать волосы.

– Буй – это город такой в Костромской губернии.

– А-а. А мне послышалось, ептыть...

Неужели, правда: он – командир линкора?! Ептыть!!!

– Всем всегда одно и то же слышится, – сморщила в обиду лицо Мозолина. – Я – о духовности хочу, а мужикам – одно на уме. Я ведь не техничкой хотела стать, а дипломанткой. В ИМГИМО поступать готовилась. Знаешь, рыба, какая я умная раньше была? Против суррогатного материнства выступала!

– А что это такое значит? – обернулся к уборщице Чудов, с отвращением глядя на ее помятую пятнистую физиономию. Эх, и откуда такие берутся?! Нет, это – просто невероятно... Надо хлебнуть!

– Это такая, вишь ты, технология – затянула шарманку уборщица. – Хуже орального сексу. Уничтожает естественные способа производства приплода. От такой заразы все человечество может вымереть, понял?

– Не слышал, – признался Чудов.

Если он теперь командир линкора – подстригать бороду, или – не стоит? Как-то она последние дни подрастрепалась...

Длинные, русые и густые волосы были гордостью полковника, особенно в нынешнее время борьбы с безбородыми космополитами. Решил оставить, как есть.

– У детей, рожденных суррогатными матерями, нету статусу, – продолжала занудно развивать волнующую тему Мозолина. – У них две кровные родительницы: та, которая, стало быть, зачала, и та, через кровь которой, значить, девять месяцев дитя получало духовную и физическую пищу. Я против этого. Иди ко мне, рыба!

Чудову было не до утренних душевных терзаний уборщицы. Тяжелая любовная работа с прыжками до потолка в конец его обессилила, а тут – такой звонок. Это ж, ептыть, это ж, как же так?

– Это же уму непостижимо! – вырвалось у него.

– Вот и я говорю! – зачастила Мозолина. – Разве можно человека от его любимой девушки отрывать? Да, хоть и служба – что с того? Разве не может офицер отдохнуть? – она попыталась обнять Чуркина за мохнатую исцарапанную спину, но тот проворно вывернулся.

– Служба превыше всего! – пробормотал Чудов. – Такое не всякому доверят, понимаешь. Линкором управлять – это не наперстки на вокзале кидать. Мы еще встретимся, душа моя, Богом клянусь, но – не сейчас!

Он в трусах кинулся на кухню, где выпил литр холодного – прямо из-под крана – жигулевского пива, и принялся гладить парадные шелковые лосины. Сердце все ускоряло свой бег. Экран древнего телеприемника показывал передачу «Воскресный вечер с Владимиром Попугаевым», и толстенький юркий журналист разучивал на два голоса с народным артистом Али Исааковичем Удодом песню «Эх, хорошо в стране имперской жить!». В такт им на кухне слаженно гудели многочисленные тропические крылатые насекомые с незнакомыми для Чудова названиями.

А Удод-то помрет скоро, наверное, подумал Чудов, глядя на мертвенно-бледное напудренное лицо певца с вылезающим гримом, нарисованные черным карандашом брови, вздыбленный черный парик и подкрашенные фиолетовым цветом полуприкрытые веки. Сколько лет поет... пора, пора в мир иной!

А нам помирать еще – рановато. Есть у нас еще дома дела!

В помещеньице было грязно, тесно, свисающая с потолка лампочка почти касалась макушки полковника, от газовой плиты исходил запах, помойное ведро под раковиной, битком забитое объедками, вообще воняло, но!

Чудов был далек от этих мелких подробностей бытия. Свершилось, значит, ептыть! Не зря он всю жизнь гнул позвоночник перед начальством, не зря докладывал то, что оно хотело услышать. Не зря! В животе росло ликование, выражающееся в интенсивном бурлении. Впрочем, может быть, это были последствия ночной винно-философской дискуссии с уборщицей, которая на все доводы и аргументы Чудова о преимуществах орального секса лишь рассуждала об усыновлении детей-сирот и клеймила западную гей-пропаганду. Не помогла даже демонстрация любимых наперстков и карточных фокусов.

Прощай служба в захолустном, вонючем (хоть и теплом) Тувалу, прощайте клопы с тараканами и отвратительная трясущаяся плоть Мозолиной, прощайте скалистые горы – на подвиг, ептыть, Отчизна зовет!

Он все явственнее видел открывающиеся ослепительные перспективы, и рот его, не выдержав томления, сам собой дребезжащим тенором стал выводить песню, что донеслась до ушей огорченной Мозолиной из кухни:

– Мы вышли в открытое морrrrrrrrrрееееее, в суровый и дальний похooooooooooooooooодддддддд!

Чудова, как тесто в кастрюле с опарой, просто распирало от счастья – и это почти в пятьдесят лет! Как юнец-лейтенант, понимаешь ли!

Похожий на очкастого деда Мороза, лысеющий полковник имел за плечами солидный жизненный опыт. Кем он только не был! В молодости окончил двухгодичный факультет журналистики Санкт-Петербургского пехотного училища, возглавлял научный совет 69 кавалерийско-ракетного полка, заочно отучился в Народном институте русской физики, участвовал в создании многопартийной системы Руси, командовал полком аэрокосмической аппаратуры «Бдение»... А, какого мастерства достиг в фокусах с наперстками!

Пульсы стучали уже на обоих запястьях, как молоты в местной кузне, на виске вздувалась и опадала жила, в груди клокотало, желудочно-кишечный тракт в полном составе присоединился к всеобщему ликованию и мажорным урчанием теперь стал брать ноты из «Марша славянки».

На кухню вышла Мозолина. Она успела быстрой рукой густо и ярко-красно намазать губы, чтобы в меру возможностей превратиться в секс-бомбу. Прозрачная короткая болоньевая ночная рубашка с желтой ромашкой на причинном месте открывала дряблые целлюлитные ноги с голубыми толстыми венами. Нужно было спешить, пока полковник был на ее территории.

– Так что, – спросила она заискивающе, – к обеду ждать? Я тебе еще про Норвегию расскажу, рыба. У них там, если заметят, что маленькая девочка играет с машинкой, то спрашивают: а вдруг ты мальчик? И начинают пичкать гормонами. А дальше – уже поздно!

– Да, уж, волчий оскал, ептыть! – промолвил набитым ртом Чудов. Он постепенно успокаивался. Надо быть хладнокровнее, ептыть, он же теперь – командир космического линкора!

– В Норвегии и руки не моют перед едой, – села она перед Чудовым и вперила в него слезящиеся глаза.

– Не горюй, птица, – ухмыльнулся Чудов. – Что нам Норвегия? Там снег, а у нас тут, видишь, как тепло? Мы еще с тобой поиграем в дурака на раздевание!

Наскоро позавтракав тушеной жабой с бананами, полковник покинул безутешную уборщицу, и вскоре был на арендованной взлетно-посадочной полосе Фунафути.

Быстрее, быстрее! Время – вперед, как говорил композитор Свиридов!

Становилось жарко.

Местные куры неподвижно стояли в тени пальм, вытянув клювы к небу. На взлетной полосе обильно лежали засохшие крупные коровьи лепешки. Небольшое козье стадо пережевывало колючие кустарники и с любопытством наблюдало, как техники вручную катят трап-лестницу к дверце самолета.

Техники не спешили, и, жуя коку, вполголоса переговаривались:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.